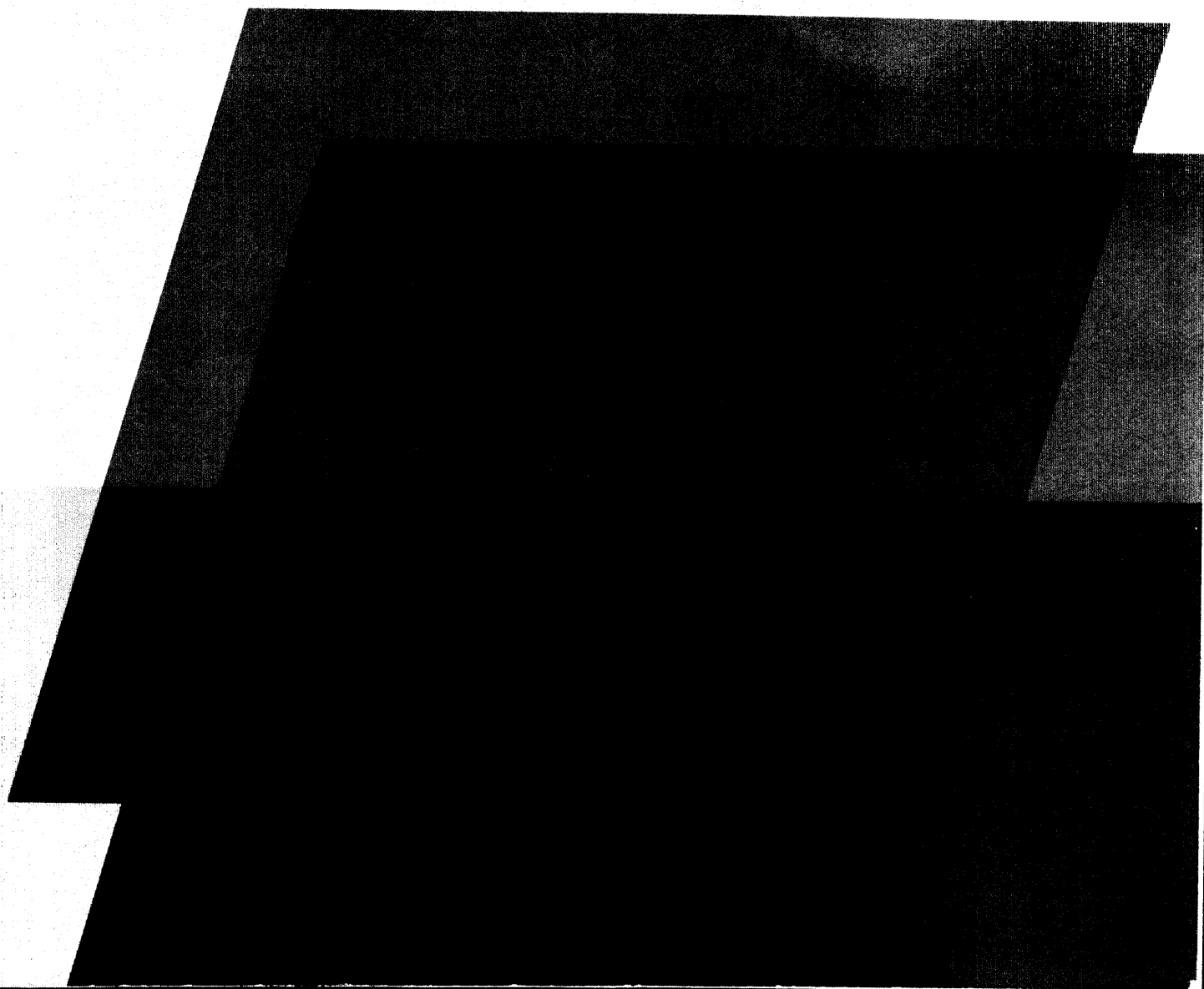

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
в Восточной Сибири
и на Дальнем Востоке**

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

№ 4 (12) • 2010

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

Научный журнал

Свидетельство
ПИ № ФС 77-32359
от 09.06.2008

Учредители:

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
(ДВПИ ИМ. В.В.КУЙБЫШЕВА)
(Г. ВЛАДИВОСТОК)

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ
(Г. БИРОБИДЖАН)

БУРЯТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
(Г. УЛАН-УДЭ)

Главный редактор

О.Г. ДИЛАКТОРСКАЯ,
д-р филол. наук, проф.,
действительный член
Академии наук,
член международного
Общества Достоевского,
Заслуженный работник
высшей школы
Российской Федерации

Журнал основан
в 2008 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 Памяти М.Ю. Шинковского**
Геополитика. Политология
10 Шинковский М.Ю. Проблемы типологии акторов трансграничного региона
15 Песцов С.К. Трансграничное сотрудничество и интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе
22 Зыков А.А. Региональный политический процесс в условиях трансграничья
29 Волыничук А.Б. Дальний Восток России: вызовы трансграничного взаимодействия
35 Козлов Л.Е. Точки пересечения внешней и региональной политики России на Дальнем Востоке
40 Фролова Я.А. Тихоокеанская Россия в Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы сотрудничества
46 Горчаков В.В. Ядерная энергетика как возможная сфера кооперации в Азии
52 Губин А.В. «Стратегия анаконды» в Северо-Восточной Азии: роль военноморских сил в обеспечении национальных интересов
59 Павленко А.П. Разработка и реализация новых оснований морской политики России в начале XX века
64 Коновалов В.Н. Геополитические процессы на Большом Кавказе в свете национальных интересов России
70 Котляр Н.В. Русский транзит: развитие транспортно-коммуникационной системы современного мира
77 Лаврентьев А.В. Развитие транспортных сообщений между российским Дальним Востоком и странами Азиатско-Тихоокеанского региона (вторая половина 1980-х–1990-е годы)
84 Марин Е.Б. Политика российских партий и движений в вопросах религии и свободы совести (конец 1980-х – середина 2000-х годов)
90 Лейченко О.Ф. Тандем как особенность политического лидерства в современной России
- Педагогика**
95 Гринкруг Л.С., Фишман Б.Е. О моделировании механизма развития педагогических объектов
- Социология**
102 Овруцкий А.В. Глобальный кризис как кризис сверхпотребления: социально-философские аспекты
106 Брянская Т.И. Проблема национализма в постколониальном феминизме (на примере Индии)
111 Захаркин Р.А. Молодежный абсентеизм в России: сопоставление с тенденциями развития общероссийского электората в целом
- Литературоведение. Культурология**
115 Ключинская О.В. Идеино-тематические и жанрово-стилевые особенности современной русской военной прозы
121 Шиньёв Е.П. Межкультурная диффузия как фактор творчества (на материале произведений В. Набокова)
127 Каменева М.Ю. Слово-смысловое, засловесное молчание и противопоставленное им слово-пустословие в нравственном учении Л.Н. Толстого
134 Стародумова В.И. Стихотворение А. Башлачёва «Тесто»: попытка прочтения
138 Хе Чжюнь. Мужской головной убор династии Мин
- Научное эссе**
142 Игнатов Г.Е. Архитектурная утопия в трансграничном Океане мысли (тезисы о геополитике в Новой Атлантиде)
- Публикации**
147 Назиров Р.Г. Подлинный смысл Поликрата перстня
- Книги**
150 Бакланов П.Я. Рецензия на книгу М.Ю. Шинковского, В.Г. Шведова, А.Б. Волыничука «Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа)»
152 Бровка П.Ф. Рецензия на книгу «Трансграничный регион: понятие, сущность, форма»
154 Дилакторская О.Г. Реплика по поводу книги о сонетах Шекспира в России
156 Список основных трудов М.Ю. Шинковского
158 Авторский указатель статей, опубликованных в журнале в 2010 году

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье рассмотрены такие ключевые вопросы, как: программная политика Москвы на дальневосточном направлении, проблемы и перспективы реализации инвестиционных проектов с зарубежными партнерами по Азиатско-Тихоокеанскому региону и участие российских дальневосточных субъектов в них.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Тихоокеанская Россия, государственная поддержка, интеграция, геополитический потенциал, трансграничные связи.

Pacific Russia in Northeast Asia: problems and co-operation prospects. YANA A. FROLOVA (Vladivostok State University of Economy and Service, Vladivostok).

The article deals with such key issues as the programme policy of Moscow in the Far Eastern sector, the problems and prospects of the realisation of investment projects with foreign partners in Asia-Pacific region and the participation of the subjects of the Russian Far East in the projects.

Key words: Northeast Asia, Pacific Russia, the State support, integration, geopolitical potential, transfrontier communications.

*«...именно Сибирь и Дальний Восток
представляют собой стратегический тыл и резерв,
опираясь на который Россия сможет
рассчитывать на процветание в XXI веке»
А.Д. Богатуров [5, с. 98]*

Регион Северо-Восточная Азия (СВА) переживает этап сложных и неоднозначных перемен. Его развитие, куда, по оценкам экспертов, перемещается центр тяжести мировой политики и экономики, демонстрирует опережающий характер по сравнению с развитием мировой экономики в целом. Фундаментальные сдвиги в структурах азиатских обществ заставляют говорить, что в предстоящие десятилетия регион станет одной из крупнейших зон, развитие которой будет для мировой цивилизации определяющим [24]. Помимо лидерства по целому ряду показателей социально-экономического развития, данный регион есть место сосредоточения,

с одной стороны, таких региональных «тяжеловесов», как США, Япония, Китай, Россия, ведущих активную тихоокеанскую политику и отстаивающих собственные геополитические интересы, с другой – «коллективных игроков», включающих страны с различными военно-политическим и экономическим потенциалами (например, АСЕАН)¹.

В военной доктрине России до 2020 г. указано, что «...мировое развитие на современном этапе характеризуется ослаблением идеологической конфронтации, снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств и союзов и ростом

ФРОЛОВА Яна Александровна, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, политологии и социологии, аспирант Института международных отношений и социальных технологий (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток). E-mail: FrolovaJana@yandex.ru
© Фролова Я.А., 2010

Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы» (проект № 2.1.3/4472).

¹ Высокая активность геополитических процессов связана, с одной стороны, с растущей конкуренцией за лидирующие позиции в регионе, что, безусловно, формирует настороженность в межгосударственных отношениях и консервирует застарелые территориально-политические споры. С другой – усиливающиеся процессы глобализации и регионализации активизируют мощные экономические силы, направленные на интеграцию финансовых, сырьевых, трудовых, транспортных потоков в единую трансграничную систему [12].

влияния других... сохраняются тенденции к силовому разрешению многих региональных конфликтов, в т.ч. в регионах, граничащих с Россией...» [Цит. по: 11].

На этом фоне утверждение о том, что Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в целом представляет для России сферу жизненно важных интересов, не вызывает сомнения. Между тем, как отметил В.Л. Ларин, в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года», выступающей в качестве официально утвержденной системы стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, «...безопасность на востоке как приоритет не обозначена... стратегия ориентирована на Европу и Атлантику... в числе выделенных географических приоритетов – СНГ, ЕС, США, НАТО... в документе отсутствует даже упоминание Азиатско-Тихоокеанского региона» [18, с. 3]. Хотя, если обратиться к тексту Концепции национальной безопасности¹, можно подчеркнуть следующее: «Угрозы национальной безопасности России в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать ее укреплению как одного из центров влияния в многополярном мире, помешать реализации национальных интересов и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и АТР» [Цит. по: 25, с. 146]. Иными словами, сферой национальных интересов России в указанном документе был объявлен почти весь мир, за исключением разве что Австралии, тропической Африки и Латинской Америки.

Россия на своих восточных рубежах окружена «плеядой» государств и оказывается вовлеченной в региональные процессы и связи. Профессор А.Д. Богатуров отмечает, что в последнее десятилетие в России сформировался устойчивый взгляд на ее тихоокеанскую часть. Смысл заключается в том, что ресурсы Сибири и Дальнего Востока – достояние не только России, но и всего мира². Чем нагляднее неспособность российского правительства эффективно управлять своим стратегическим резервом, тем пристальнее внимание зарубежных стран к сибирско-дальневосточным ресурсам и тем сильнее соблазн «помочь» ей (стране) распорядиться ими (ресурсами) рационально. Российские партнеры сделали важный практический

вывод – иметь дело с местными властями легче, чем со столичными представителями власти и бизнеса [5].

Как замечает Л.Г. Арешидзе, «...стихийность в развитии связей Дальнего Востока со своими географическими соседями в регионе и в начале 1990-х, и в 2000-х гг. еще больше усилила дисбаланс между богатыми природными ресурсами, с одной стороны, и малой численностью населения и собственными возможностями для инвестиций – с другой. Тихоокеанская Россия за годы реформ все очевиднее утрачивала естественные связи с остальной частью страны, но при этом так и не сумела в полной мере включиться в международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии» [1, с. 246-247].

Для развития региона в 1996 г., в соответствии с постановлением Правительства РФ № 480 (от 27 февраля 2001 г.), была принята федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. и до 2010 г.», направленная на устойчивое развитие обозначенных регионов с учетом геостратегических интересов РФ [19]. Выбрав срединную линию частичного субсидирования дальневосточных регионов, центр не стремится восстановить полный контроль над ними и не желает полностью брать на себя их финансирование³.

Структурообразующим стержнем политической организации на российском Дальнем Востоке, как и во всей России, выступила ось «центр – регионы». Однако, по точному замечанию М.Ю. Шинковского, «...в отношениях, которые складываются между любым дальневосточным образованием и федеральным центром, наличествуют две опасности. С одной стороны, Москве подчас не хватает гибкости, тонкости и чувства контекста при оценке процессов глокализации. С другой – органы власти субъектов Федерации в своей международной деятельности руководствуются скорее геоэкономическими, чем геополитическими соображениями, так как именно с ними связывают решение проблем своего жизнеобеспечения» [26, с. 69]. Объяснить при этом осторожность российской дипломатии на дальневосточном направлении ссылкой на здоровые политико-психологические реакции недостаточно. Речь идет об отражении специфики реальных приоритетов российской политики на Дальнем Востоке, т.е. не столько о сохранении формальной территориальной целостности России, сколько о поддержании фактической эффективности власти федерального правительства над дальневосточным регионом.

Свертывание военного присутствия в АТР и пропорциональное наращивание экономического участия в хозяйственной жизни региона стало основой программной политики Москвы на дальневосточном

¹ В 2000 г. она была подвергнута коррекции, а в 2009 г. заменена Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

² Внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в т.ч. на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики, в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии [23]. Вопросы национальной принадлежности недр арктического шельфа, в котором, по предварительным оценкам, залегают до 25% всех неразведанных ресурсов нефти и газа в мире, для многих северных стран стали первоочередными, что, в свою очередь, повысило вероятность столкновения национальных интересов [4, 16, 22].

³ В данном случае срабатывает принцип «финансирования на паях», т.е. частично из федерального, частично из бюджетов регионов. Однако именно эта линия и породила острейший конфликт между интересами московских политиков и дальневосточных элит.

направлении. Сохраняя на Дальнем Востоке потенциал стратегического сдерживания, Россия не имеет возможностей для проецирования военной мощи традиционными средствами¹. Интересно, что по результатам международного экспертного опроса, проведенного в 2005 г., половина всех опрошенных сошлись в мнении о том, что Дальний Восток – это стратегически важный для России регион в плане безопасности и экономического развития, а треть респондентов убедительно отстаивали ту точку зрения, что с потерей Дальнего Востока начнется процесс дезинтеграции и распада России [21].

Решение многих проблем Дальнего Востока, которые являются следствием переходного периода и характерны почти для всех регионов России, требует новых концептуальных подходов к региональному развитию – достижению и поддержанию устойчивого развития регионального роста. Применительно к Дальнему Востоку региональный уровень интеграционных процессов (например, развитие производственных и торговых связей; внутрирайонных и межрайонных перевозок, а также внутрирегиональных объектов рыночной инфраструктуры; разработка и продвижение крупных региональных проектов) формируется во взаимодействии территорий, являющихся субъектами РФ в рамках Дальневосточного экономического района и Дальневосточного федерального округа. Межрегиональный уровень – это связи и взаимодействия дальневосточных районов с другими регионами страны. Наконец, разнообразные связи и взаимодействия дальневосточных районов со странами АТР образуют интеграционные процессы на межгосударственном и международном уровнях (например, развитие внешнеэкономических связей, международных транспортных линий, международных объектов рыночной структуры и т.п.).

Большие возможности сотрудничества содержатся в планах решения задачи подъема Сибири и Дальнего Востока, в сопряжении их с решением аналогичных задач развития северо-восточных и западных регионов Китая [9]. Так, например, правительство Поднебесной приняло «Программу оживления Северо-Восточного Китая», российское правительство – «Программу экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года»². А в сентябре 2009 г. была

¹ Фактическая бесконтрольность некоторых зауральских участков российской государственной границы в сочетании с ослаблением влияния федеральной власти на экономическую и политическую ситуации на Дальнем Востоке привели к тому, что желанная интеграция страны в экономическое пространство АТР стала приобретать такие пугающие черты, как собственно нарушение российской государственной границы, неконтролируемая миграция, транснациональный криминальный бизнес, систематическая контрабанда и т.п. [5].

² Программа предусматривала следующий перечень проектов общегосударственного значения, на которые возлагалась роль стимуляторов, способных оказать существенное

одобрана программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.) [27].

Нельзя не согласиться с академиком П.Я. Баклановым в мысли о том, что важнейшим фактором устойчивого развития региона, особенно Дальневосточного, являются наличие, разнообразие и величина природно-ресурсного потенциала [2]. Ресурсный, в основном энергетический, потенциал Тихоокеанской России привлекает пристальное внимание к российским энергетическим проектам, нацеленным на поставку энергоносителей в страны Восточной Азии и, возможно в США. По заявлению В.В. Путина, «...нефтегазовый сектор в России является курицей, которая приносит золотые яйца, составляя значительную часть российской экономики... Я не уверен, что в такие же жизненно важные сферы все другие государства мира также допускают либерально иностранных инвесторов, мы это делаем» [8]. Так, в ходе состоявшегося в марте 2006 г. визита президента России В.В. Путина в КНР был подписан ряд важных и масштабных соглашений по экспорту в эту страну российских нефти и газа. Эти документы вызвали огромный резонанс и вновь привлекли внимание мировой общественности к давно обсуждаемому вопросу: как быстрее и эффективнее использовать огромные природные, и не только нефтегазовые, богатства российских Сибири и Дальнего Востока? Причем с большой выгодой и во благо не только нашего государства, но также бурно развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Это, кстати, помогло бы значительно укрепить позиции России в регионе.

Напомним, что стремление России к диверсификации экспорта углеводородного сырья одно время серьезно мешало поступательному процессу развития российско-китайских отношений. Ситуацию удалось разрешить двухэтапной схемой строительства трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий

влияние на геостратегические позиции России в СВА, а именно: освоение месторождений углеводородного сырья на шельфе о-ва Сахалин с экспортом сырой нефти, сжиженного и природного газа, развитием нефтепереработки, газификацией южных районов Дальнего Востока; создание прямого железнодорожного сообщения между материком и о-вом Сахалин (проект строительства мостового перехода через Татарский пролив), что приведет к созданию нового трансконтинентального транспортного хода, увеличит масштабы использования БАМа; строительство международных газопроводов с месторождений Иркутской, Сахалинской областей и Республики Саха (Якутия) в страны СВА (Китай, Монголия, Республика Корея, Япония) с последующим экспортом природного газа; создание инфраструктуры для экспорта электроэнергии с территории Дальнего Востока и Забайкалья в страны СВА на основе высоковольтных линий электропередач; развитие международного Транссибирского контейнерного моста по основному ходу Транссибирской магистрали с соединением ее с транскорейской железной дорогой для создания еще одного транспортного звена между Азией и Европой и др. [19].

океан» (ВСТО), которая нашла свое закрепление в приказе от 26 апреля 2005 г. Было отмечено, что это завершение одного из крупнейших стратегических проектов в современной России. Его геополитическая роль основана на открытии для нашей страны нового перспективного рынка сбыта – рынка АТР, потребности которого в нефти непрерывно возрастают [14]. В соответствии с проектом трасса линейной части первой очереди нефтепровода прошла по маршруту Тайшет (Иркутская область) – Усть-Кут (Иркутская область) – Ленск (Якутия) – Алдан (Якутия) – Сковородино (Амурская область). Конечная точка нефтепровода – спецморнефтепорт «Козьмино» (Приморский край) [13, 28]. В конце 2009 г. был осуществлен пуск в эксплуатацию нефтепроводной системы и дан старт началу отгрузки первого танкера с нефтью сорта «ВСТО»¹.

Внешнеполитическая и внешнеэкономическая направленность этого проекта очевидна. Дальновидным решением российскому руководству удалось пойти на встречу двум крупным потенциальным потребителям российского углеводородного сырья, каждый из которых претендовал на эксклюзивность поставок нефти из России: нефть по восточной трубе «доберется» и до Китая, и до Японии. При этом в Китай она придет быстрее, но ведь именно Пекин готов предоставить «Роснефти» кредит в 6 млрд долларов. Разбив проект на две стадии по времени завершения и на два участка по направлениям, Россия, по мнению авторов авторитетного английского журнала «The Economist» («Экономист»), получила возможность порознь вести переговоры по интересующим ее внешнеполитическим проблемам и с Китаем, и с Японией².

¹ 29 августа 2010 г. в районе Сковородино Амурской области состоялся запуск российского участка нефтепровода «Сковородино – Мохэ – Дацин». Китай планирует завершить строительство линейной части своего участка отступления от нефтепровода до конца сентября с.г. Магистральный нефтепровод ВСТО к 2014 г. достигнет протяженности около 5 тыс. км, при общей мощности 80 млн тонн. Об этом заявил вице-президент «Транснефти» М. Барков на 6-м Байкальском международном экономическом форуме [6]. По прогнозным расчетам, на полную проектную мощность система ВСТО выйдет к 2020 г. [13, 21].

² Очевидным представляется, что решение высшего руководства страны о строительстве системы «ВСТО» следует расценивать как судьбоносное как для экономики самой России, так и для внешней и внутренней политики страны. Основанием для такой оценки являются, прежде всего, масштабы региона, попадающего в сферу деятельности данного проекта. Это два федеральных округа – Сибирский и Дальневосточный, включающие 26 субъектов Российской Федерации. По площади – это больше половины России! То, что маршрут будущей системы проходит в основном по южной части региона и, таким образом, охватывает не весь регион, не более чем поверхностное впечатление. ВСТО замыслена как собирающая воедино всю нефть, которая будет поставляться из глубин центральной и северной частей региона из новых месторождений по новым региональным трубопроводам. Но еще более важным представляется нам

Нефтяные и газовые новостройки, превратившись со временем в «артериальную сеть», которая свяжет всю Тихоокеанскую Россию в реально единый регион, послужат стимулом развития многочисленных сопутствующих производств. На конечных же участках трубопроводов можно ожидать создания предприятий совершенно новой для этих мест отрасли – нефтехимической, что приведет к существенной диверсификации всей структуры занятого населения. В целом значение проекта ВСТО для реального социально-политического и экономического будущего этих территорий можно сравнить лишь со значением Транссибирской железнодорожной магистрали.

Развитие нефтегазовых артерий, в т.ч. системы ВСТО, выгодно и России, и странам региона. Наша страна экспортирует в Европу более 120 млн т нефти, а в страны АТР чуть более 30 млн т. Запуск трубопровода есть определенная альтернатива европейскому маршруту, что способствует развитию здоровой конкуренции на мировом рынке углеводородов [15]. Данную мысль поддерживает и гендиректор Агентства политических и экономических коммуникаций, главный редактор портала «Восточный нефтепровод» Д. Орлов: «...нефтепровод дает России свободу выбора... а это и есть гарантия суверенитета и национальной энергетической безопасности. Россия – активный игрок на европейском рынке нефти, однако на рынке АТР она вплоть до недавних времен практически не была представлена. ВСТО решает эту проблему...» [Цит. по: 14].

Интеграция России в целом и ее отдельных территорий, в т.ч. и дальневосточной, в экономическую жизнь АТР несомненно происходит. Безусловно, такие крупные инвестиционные проекты, как строительство магистрального газопровода «Сахалин–Хабаровск–Владивосток», Тугурской приливной электростанции на Охотском побережье, строительство газопровода в Южную Корею из Владивостока через территорию КНДР, а также уже запущенные проекты трубопроводной системы ВСТО, помимо создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения, способны интегрировать дальневосточную территорию в регион СВА³.

Акцент на необходимости внутрирегионального развития дальневосточных территорий был сделан и на очередном 6-м Байкальском международном экономическом форуме, который прошел в Иркутске в начале сентября 2010 г. В нынешнем году форум был посвящен освоению регионов Сибири и Дальнего Востока, на нем были представлены проекты,

то, что система должна положить начало и лечь в основу новой единой программы комплексного освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока.

³ Однако приходится признать, что Россия вовлекается в эти процессы в роли пассивного субъекта внешних взаимодействий различного толка, мало влияя на процессы интернационализации хозяйственной жизни на своей собственной государственной территории.

касающиеся модернизации местной экономики, развития транспортной инфраструктуры, формирования комфортной городской среды и инновационного развития [6]. Так, подводя итоги своей сентябрьской поездки по федеральной трассе «Чита – Хабаровск», В.В. Путин обозначил необходимость обустройства трассы «Амур», а также оперативного завершения программы строительства космодрома «Восточный». Помимо этого речь шла и о закладке плотины Нижне-Бурейской ГЭС, которая будет работать в паре с уже работающей Бурейской¹ [7, 10].

Нынешнее трансграничное сотрудничество дальневосточных субъектов РФ с регионами-соседями представляет собой эффективный способ преодоления многих политических завалов и тупиков, оставшихся от времен холодной войны, снижения уровня недоверия к нашей стране и недооценки ее роли в Азии. Ценность такого сотрудничества велика еще и потому, что окончание холодной войны и заметное потепление отношений России с ее дальневосточными соседями отнюдь не устранили все противоречия в регионе.

Ключевой политической целью становления, развития и совершенствования трансграничной региональной деятельности на российском Дальнем Востоке является создание единого пространства с экономиками сопредельных регионов стран СВА. При строгом обеспечении системного, комплексного подхода к разработке и осуществлению планов освоения восточных регионов страны можно рассчитывать и на осуществление структурных изменений в экспорте, в частности на увеличение в ассортименте экспорта готовой продукции глубокой переработки. «Встроенность» региона в подобное пространство обеспечит эффективное распределение имеющихся ресурсов и их использование для структурных преобразований в экономике, выход на траекторию устойчивого хозяйственного роста и повышения уровня жизни населения. Кроме того, данный вектор движения приведет к усилению политической стабильности и геополитической сбалансированности в регионе [17, 28].

Особое беспокойство предполагаемое падение интереса федеральной власти к российскому Дальнему Востоку вызывает потому, что сохранение дальневосточных регионов на роли маргинальных в системе приоритетов российской государственной политики обрекает их на дальнейшее «утопание» в экономичес-

ких устремлениях сопредельных, более сильных государств и развитие по тем траекториям, которые выгодны не самой России, а ее партнерам.

Формировать разумную политику в отношении российского Дальнего Востока сегодня сложно еще и оттого, что на глазах «расползаются» привычные представления о том, что такое сегодня СВА. Геополитическая карта региона существенно изменилась. Это выразилось в политике самих стран региона не только по отношению друг к другу, но и в расширении/изменении сферы их интересов. Так, США создали опорные базы в Киргизии и Узбекистане, при этом сами американские эксперты склонны рассматривать интересы США в регионе под углом зрения важности потенциальных энергоресурсов центральноазиатских стран для экономики страны; Китай с возникновением феномена американского военного присутствия в своем «стратегическом тылу» был вынужден пересмотреть представления о возможных стратегических вызовах для себя с материкового направления. И если прежде основным источником потенциальной опасности в стране считался конфликт вокруг Тайваня, то в 2000-е гг. зоной стратегического внимания стала Центральная Азия [5].

Стратегия сотрудничества России со странами СВА в XXI в. должна учитывать особенности положения страны как глобальной и вместе с тем региональной державы. При этом стратегии сотрудничества должны не противопоставляться друг другу, а согласовываться и взаимно дополняться. Проблема осуществления геостратегических интересов и национальной безопасности РФ на Дальнем Востоке является одной из ключевых в связи не только со стратегической важностью СВА, к которому географически относится Дальний Восток, но и с тем, что более нигде в России внутрисударственные факторы так сильно не влияют на внешнеполитические позиции, национальную и региональную безопасность, как на Дальнем Востоке [21].

Тихоокеанская Россия есть и в перспективе останется российской территорией, граничащей с крупными странами мира (КНР, США, Японией). Их геополитические интересы в регионе могут только усиливаться, при почти одновременном возрастании геополитических потенциалов этих стран. Для Дальнего Востока России стратегически важной задачей является наращивание здесь собственного геополитического потенциала. Используя свои преимущества и понимая слабость, Россия сможет остаться в этом регионе мира как относительно благополучной, так и относительно мощной державой, способной играть самостоятельную роль [27].

Территориальная близость обязывает сформировать долгосрочную стратегию существования, которая не может свестись к взаимному игнорированию и изоляции. В регионе можно выделить обозначившуюся геополитическую структуру с четырьмя основными геополитическими центрами: США, КНР, Япония, Россия. На геополитические процессы в районе большое влияние оказал своеобразный геополитический

¹ Начало строительства нового космодрома «Восточный» (Амурская обл., близ пос. Углегорск) – не просто вопрос технологического развития страны, но и вопрос национальной безопасности. Постепенно он станет основным космодромом России, так как большая часть запусков в космос будет происходить отсюда. Безусловно, создание космодрома послужит еще одним толчком для развития дальневосточных регионов страны. Пилотируемые запуски уже намечены на 2018 год. Строящийся космодром «Восточный» будет ближе к экватору, чем Плесецк, а значит, в космос можно будет выводить более тяжелые грузы с меньшими затратами. И, в отличие от Байконура, он находится на территории России [15, 20].

четырёхугольник: США–Япония–Россия–КНР. Теоретически в нем возможно выделение шести геополитических осей: США–Япония, Япония–Китай, Китай–Россия, Россия–США, США–Китай, Япония–Россия. Под геополитической осью понимается достижение устойчивого партнерства между странами как в экономической, так и военно-политической сферах. В зависимости от того, какая геополитическая ось будет основной, будут определяться и тенденции геополитических процессов в районе [3].

Тихоокеанская Россия есть стратегический резерв выживаемости России в XXI в. В безусловном сохранении этого ресурса и обеспечении необходимых условий для использования его в собственных национальных интересах страны состоит главный смысл российской политики, независимо от того, какие политические силы будут ее формировать. Нынешнее отставание этого региона от ближайших зарубежных соседей способно создать здесь зону нестабильности с самыми серьезными внутривосточными и международными последствиями. Непременное условие решения названной задачи – активное участие региона в азиатско-тихоокеанском и мировом трансграничном сотрудничестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арешидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. М.: Междунар. отношения, 2007. 296 с.
2. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
3. Бакланов П.Я. О категориях современной геополитики // Известия АН. Серия геогр. 2003. № 2. С. 7-9.
4. Баранник А., Вознюк И. Арктика как важнейший геостратегический регион столкновения национальных интересов ведущих зарубежных стран // Зарубеж. военное обозрение. 2009. № 1. С. 3-11.
5. Богатуров А.Д. Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 90-98.
6. В Иркутске открылся 6-й Байкальский международный экономический форум. 2010. URL: <http://www.ltv.ru/news/economic/160617> (дата обращения 12.09.2010).
7. Владимир Путин в ходе поездки по Дальнему Востоку запустил нефтепровод и проверил дороги. 2010. URL: <http://www.ltv.ru/news/economic/160256> (дата обращения: 13.09.2010).
8. Владимир Путин встретился с участниками международного клуба «Валдай». 2010. URL: <http://www.ltv.ru/news/other/160671> (дата обращения: 12.09.2010).
9. Владимир Путин опроверг теорию «китайской угрозы» и выразил надежду на углубление китайско-российского сотрудничества. 2010. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2010-09/07/content_20881987.htm (дата обращения: 06.09.2010).
10. Владимир Путин требует ускорить строительство космодрома «Восточный» и обустроить трассу «Амур». 2010. URL: <http://www.ltv.ru/news/economic/160475> (дата обращения: 13.09.2010).
11. Военная доктрина РФ до 2020 г. (Указ президента РФ Д.А. Медведева от 5 февр. 2010 г. № 146). 2010. URL: <http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html> (дата обращения: 07.02.2010).
12. Волынчук А.Б. Россия в Северо-восточной Азии: вектор геополитических интересов // Россия и современный мир. 2009. №3. С. 120-134.
13. Ершов Ю. Нефть и газ Сибири и Дальнего Востока в контексте российско-китайских отношений // Азия и Африка сегодня. 2006. № 6. С. 3-12.
14. Запуск первой очереди нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». 2009. URL: <http://www.cupvsto.ru/news/44.html> (дата обращения: 12.09.2010).
15. Итоги поездки премьера Путина по Сибири и Дальнему Востоку. 2010. URL: <http://www.ltv.ru/news/economic/160603> (дата обращения: 12.09.2010).
16. Козьменко С., Ковалев С. Морская политика России в Арктике и система национальной безопасности // Морской сборник. 2009. № 8. С. 57-63.
17. Курт Н. Дальневосточный треугольник // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. С. 77-87.
18. Ларин В.Л. Концепция национальной безопасности РФ: плюсы, минусы, проблемы и перспективы // Стратегия национальной безопасности РФ в контексте обеспечения безопасности Тихоокеанской России: материалы круглого стола, 23 апр. 2010. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. С. 1-5. (У карты Тихого океана: информ.-аналит. бюл.; № 15 (213)).
19. Минакир П.А., Деваева Е.И. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 79-91.
20. На Дальнем Востоке будет построен новый современный космодром. 2010. URL: <http://www.ltv.ru/news/social/160224> (дата обращения: 10.09.2010).
21. Рубан Л.С., Катаева Е.Г., Хегай В.К. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке: монография. М.: Наука, 2006. 404 с.
22. Смолковский А. Военно-стратегическая обстановка на тихоокеанском театре и в АТР // Морской сборник. 2009. № 2. С. 19-30.
23. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (Указ президента РФ Д.А. Медведева от 12 мая 2009 г. № 537) // Российское военное обозрение. 2009. № 6. С. 8-19.
24. Фролова Я.А. Проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: роль форума АТЭС // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 63-70.
25. Шейнис В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность // ПОЛИС: Полит. исслед. 2009. № 5. С. 141-148.
26. Шинковский М.Ю. Трансграничное взаимодействие как характеристика политической среды XXI века: опыт анализа // Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / науч. ред. П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 231-247.
27. Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития Российского Дальнего Востока // ПОЛИС. Полит. исслед. 2004. № 5. С. 62-70.
28. Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волынчук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа). Владивосток: Дальнаука, 2007. 338 с.